

Ладно бы просто съел тайком то, что старая госпожа пожаловала именно ему, так ведь не оставил ни капли! Настоящее своенравие вошло в привычку.

— Ой, братец Яо вернулся? — как ни в чем не бывало ласково произнесла госпожа Чэнь. — Матушка думала, тебя еще нет. Жара-то какая! Холодный суп быстро испортится, вот я и велела твоему старшему брату доесть его, чтобы не пропала даром доброта старой госпожи.

— Я вернулся уже давно, — улыбнулся Лу Цзыяо. — Впредь пусть служанки приносят угощения прямо ко мне в комнату. А то в главной зале и правда легко всяким «неприятностям» случиться.

Сюэ Цюн, услышав это, с грохотом поставил пиалу и возмутился:

— С какой стати сразу к тебе в комнату?! Ты что, малец, решил все единолично сожрать?

— Как можно? — весело ответил Лу Цзыяо. — Разве не ты каждый раз все дочиста съедаешь, старший брат? Старая госпожа велела попробовать это именно мне. Если я так и не попробую ни кусочка, а у меня потом спросят, каково оно на вкус, мне придется попросить старую госпожу обратиться напрямую к тебе.

Сюэ Цюн тут же струсил и торопливо выкрикнул:

— Скажи старой госпоже, что было вкусно, да и дело с концом!

— О-о-о, — протянул Лу Цзыяо. — Понятно. Когда старая госпожа спросит, я так и скажу: старший брат передал, что было очень вкусно.

— Дерзость! — госпожа Чэнь поняла, что он собирается пожаловаться старой госпоже, и тут же вытаращила глаза от гнева: — Ах ты негодник! В императорском дворце ничего добиться не можешь, а дома только и умеешь, что выкаблучиваться! Сам опоздал, Сюэ Цюн лишь глоток сделал — а ты уже затаил обиду? Уважение к старшим тебе вообще знакомо?!

Лу Цзыяо поспешно наклонил голову и с притворной покорностью произнес:

— Матушка совершенно права. В следующий раз я обязательно напомню старой госпоже соблюдать приличия: сначала жаловать старшего брата, а уж потом меня.

Какая глупость! Если бы старая госпожа прислала угощение им обоим, порядок старшинства еще имел бы смысл. Но это велели передать лично Лу Цзыяо, а Сюэ Цюн у него все отнял — и после этого у них еще хватает наглости твердить о почтении к старшим!

У госпожи Чэнь от злости аж перекосило рот. Она хлопнула по столу и вскочила, но не смогла найти ни одного возражения.

Лу Цзыяо перевел все ее обвинения на старую госпожу, а перечить той госпожа Чэнь не смела. Ей оставалось лишь в гневе рывкнуть на служанку:

— Позови наложницу Чжоу! Я хочу спросить ее, как она умудрилась выкормить такого негодника!

Когда пришла наложница Чжоу и выслушала, что произошло, она опустила глаза на пустую пиалу перед Сюэ Цюном. На ее лице мелькнула обида, но, повернувшись к Лу Цзыяо, она тихо сказала:

— Нельзя пренебрегать добротой старой госпожи. Братец Яо, в следующий раз, когда получишь пожалование, сразу же выходи его принимать. Если будешь и дальше так копать и упускать дары, старая госпожа тебе этого не простит.

Госпожа Чэнь аж посинела от ярости:

— Ах ты... ах ты дрянная девка! Пользуешься тем, что старая госпожа тебя защищает, и села на шею мне и Сюэ Цюну?! Ну помяните мое слово!

Вечером в усадьбу вернулся третий господин Сюэ.

Госпожа Чэнь рыдала в три ручья:

— Братец Яо вернулся поздно, а я побоялась, что освежающий холодный суп испортится, и велела Сюэ Цюну выпить его, пока не нагрелся. Это я поторопилась, не подумала как следует и не оставила братцу Яо... Но он, вернувшись, устроил мне скандал и угрожал пожаловаться старой госпоже! Я до того перепугалась, что позвала наложницу Чжоу уговорить его, но кто же знал, что она станет подливать масла в огонь прямо при сыне!

После такой искаженной донельзя лжи господин Сюэ так разгневался, что тут же велел привести Лу Цзыяо на допрос и приказал запереть двери третьего двора, чтобы братец Яо не сбежал в главный дворец за помощью к старой госпоже.

На полпути к залу наложница Чжоу прознала об этом. Испугавшись, что ее сына побьют, она поспешила вслед за ним в главную залу.

Господин Сюэ, увидев нежный и обиженный вид наложницы Чжоу, сразу смягчился на треть и лишь вполголоса укорил ее:

— Я вызвал братца Яо для разговора. Ты-то зачем пришла?

Господин Сюэ все еще очень любил наложницу Чжоу, поэтому госпожа Чэнь не смела слишком откровенно унижать ее в его присутствии и лишь вежливо попросила наложницу Чжоу удалиться.

Но на этот раз наложница Чжоу проявила твердость и не сдвинулась с места. Она печально посмотрела прямо на господина Сюэ и тихо произнесла:

— Я знаю, почему господин вызвал братца Яо. Старая госпожа часто посылает ему угощения, но их всегда перехватывают в главной зале. Братец Яо до сих пор ни разу ничего не попробовал — все за него забрал Сюэ Цюн. Сегодня братец Яо лишь пошутил и посмеялся над собой, а Сюэ Цюн решил, будто тот затаил обиду. Они ведь братья, бывает, что и поспорят. Завтра снова будут ладить. Надеюсь, господин не станет ссорить братьев из-за такой мелочи.

Услышав это, господин Сюэ недоверчиво покосился на госпожу Чэнь, заподозрив, что та искажила правду и намеренно раздула ссору.

Хотя сейчас от Лу Цзыяо и не было никакой пользы, он все же оставался любимчиком старой госпожи.

Господин Сюэ все еще рассчитывал, что старый господин потянет за нужные ниточки и устроит ему перевод на новую должность, поэтому не намеревался нарочно притеснять братца Яо.

Госпожа Чэнь холодно усмехнулась в лицо наложнице Чжоу:

— Я всегда относилась к тебе как к сестре! А теперь из-за того, что Сюэ Цюн выпил пиалу супа, ты готова обливать нас грязью до полусмерти? Я и раньше слыхивала, что женщины из города Гусу снаружи кроткие, а душой коварные, — сегодня наконец убедилась! Но не меть слишком высоко. Как бы ты ни клеветала на меня перед господином, пусть даже сживешь меня со свету, господин никогда не сделает тебя, дочь опального чиновника, своей законной женой!

Господин Сюэ нахмурился и попытался успокоить жену:

— Что за глупости ты несешь? Иди к себе в комнату и отдохни, я сам со всем разберусь. Мы ведь столько лет вместе, неужели я позволю какой-то презренной наложнице оскорблять тебя?

На самом деле он сказал это лишь для того, чтобы отослать жену и избежать раздора между ней и наложницей.

Лицо наложницы Чжоу мгновенно побледнело, в глазах заблестели слезы. Она с отчаянием посмотрела на Сюэ Чэна и хрипло, всхлипывая, произнесла:

— Господин прав, я ничтожна. С тех пор как отца обвинили в преступлении, всех моих братьев сослали в гибельные края, а наш дом конфисковали. Но если бы я осталась в Сучжоу, мне бы не пришлось становиться чьей-то наложницей...

Слеза скатилась по ее щеке:

— Когда господину повелели провести конфискацию нашего имущества, вы, впервые увидав меня, так добродушно утешали! Вы говорили, что мой отец был вашим главным экзаменатором на столичном испытании и оказал вам благодеяние, продвинув по службе. Вы не смогли смотреть на мои одинокие страдания и соизволили раз за разом просить меня поехать в столицу...

Лицо господина Сюэ слегка покраснело, он лишился дара речи и не знал, как приказать ей замолчать.

— Отец всегда души во мне не чаял, и я поверила человеку, которого он ценил! — полные слез глаза наложницы Чжоу вдруг стали суровыми и решительными, и она, пренебрегая всеми приличиями, громко выкрикнула: — Если бы отец знал, как вы со мной поступите, он бы горько пожалел о том, что когда-то продвинул вас!

Лицо господина Сюэ вспыхнуло густо-красным цветом. Ему хотелось сквозь землю провалиться!

Чжоу Жуй была дочерью Чжоу Чуна — бывшего министра чинов и второго советника Кабинета министров.

Много лет назад Чжоу Чунь из-за проекта по обустройству речных каналов подвергла импичменту фракция Цзяо, после чего его признали виновным и отправили в ссылку.

Сюэ Чэн сопровождал цензора в родной город Чжоу Чуна, Сучжоу, чтобы провести конфискацию имущества, и там увидел пятнадцатилетнюю Чжоу Жуй, прекрасную, словно небожительница.

Потеряв голову от вожделения, Сюэ Чэн всеми правдами и неправдами заманил Чжоу Жуй в

столицу, поселил в своем доме и стал всячески убажывать.

Чжоу Жуй не ведала мирской жизни и отличалась простым характером. У нее не было ни гроша за душой, и выразить благодарность было нечем, поэтому, когда Сюэ Чэн воцарился, она со слезами на глазах уступила ему, а позже родила Лу Цзыяо.

Из перепалки присутствующих Лу Цзыяо понял основную суть.

Кто бы мог подумать, что его родная мать — дочь самого Чжоу Чуна!

Согласно сюжету романа, года через два-три первый советник Кабинета министров подаст докладную записку императору с прошением о реабилитации Чжоу Чуна.

Поразмыслив над этим, Лу Цзыяо понял, что в будущем у него появится дедушка, который станет вторым советником Кабинета министров и министром чинов.

От автора:

Седьмого принца зовут Лу Цянь. Читатели часто говорят, что не могут запомнить его имя, ха-ха-ха! Пока буду временно называть его «Маленьким толстяком» (Толстый Седьмой: «Нет уж, я против!»).

Перед наложницей Чжоу третий господин Сюэ испытывал чувство вины, поэтому у него не хватало духу читать нотации дочери бывшего высокопоставленного чиновника, которую он сам обманом привез в столицу.

В этом споре он быстро потерпел поражение. Господин махнул рукой, веля Лу Цзыяо идти к себе в комнату и отдыхать, пытаясь таким образом выбросить белый флаг в надежде, что наложница Чжоу утихомирится и перестанет вытаскивать на свет его грехи.

Увидев это, госпожа Чэн тут же выступила вперед, чтобы проучить наложницу Чжоу вместо мужа:

— Ах ты, неблагодарная тварь! Говоришь так, будто господин силой заставил тебя войти в двери семьи Сюэ! Ты — дочь опального преступника! Если бы господин не помнил о той ничтожной милости твоим отцом, тебя бы давным-давно продали в публичный дом! Мечтала выскочить замуж и стать законной женой? Ты спроси, кто вообще осмелился бы тебя взять!

На самом деле наложница Чжоу не умела браниться.

Когда она попала в беду, она могла бы найти приют у бабушки или дяди по матери. Кто-нибудь из старших обязательно собрал бы ей скромное приданое. Пусть не в богатый дом, но замуж за человека невысокого положения ее бы точно взяли. С чего бы ее продавать в бордель?

Это третий господин Сюэ уверял, что хочет добиться реабилитации ее отца, и просил ее помощи в поиске улики и зацепок. Разыграв из себя благородного праведника, он и выманил ее в столицу.

Госпожа Чэн виртуозно владела искусством переворачивать всё с ног на голову и с полным правом продолжала унижать наложницу Чжоу:

— Чтобы защитить тебя, дочь преступника, господин дал тебе статус! Из-за этого приспешники Цзяо Чжунцина приняли господина за сторонника твоего отца! Его карьера пошла под откос,

он всюду натывается на стены — и всё из-за тебя, несчастная женщина!

Наложница Чжоу онемела от таких ругательств. Ее лицо побледнело, губы потеряли цвет. Она приоткрыла рот, но так ничего и не сказала — она просто не способна была уподобиться бесстыдной и лживой госпоже Чэнь.

Лу Цзыяо хотел было вступить за родную мать, но вспомнил о строгих правилах и приличиях этой эпохи.

<http://bllate.org/book/18379/1766797>